

Политическая власть и олигархия

Николай Купчин

Западное политическое и экономическое устройство как таковое не может претендовать на всеобщность. По сути, в мире существуют разнообразные модели капитализма:

- европейский – социально-ориентированный, регулируемый государством;
- североамериканский – с минимальной ролью государства;
- азиатский – коллективистский капитализм, построенный на симбиозе сильного госаппарата и взаимодоверия;
- “разбойничий капитализм или клептократия”, прививавшийся на постсоветском пространстве.

Действительность, основанная на бесконечных потрясениях и кризисах капитализма, открывает непреложную истину, “что крепкое здоровье капиталистического строя – просто вымысел”¹.

Капиталистический общественный строй несовершенен и не прививается прямым заимствованием правильных законов. Однако, несмотря на непреложные истины, политическое руководство России в 90-годы XXI в. стремилось как можно скорее насадить в стране институты и отношения западного образца. Игнорируя то очевидное обстоятельство, что казалось бы даже самые “незыблемые институты построены на весьма зыбкой почве”¹.

В случае с Россией это привело, с одной стороны, к построению иска-

женного капитализма, прикрытого “маской” псевдодемократии, а с другой – формирующиеся структуры власти (демократические и экономические) институты по сути были паллиативом западных образцов, так как, помимо подмены традиционного воплощения, стали приспосабливаться к произволу коррумпированной бюрократии, “приватизированной” олигархическими структурами и криминальными элементами государства.

В процессе формирования совершенно новой социально-экономиче-

КУПЧИН Николай Николаевич – окончил экономический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, кандидат экономических наук, профессор Московского института иностранных языков.

Ключевые слова: социально-экономические реформы, олигархия, власть, лоббизм, корпоративно-управляемая демократия.

ской формации, в условиях доминирования логики, рыночной экономики, возникают неблагоприятные обстоятельства для соблюдения демократических принципов, продиктованных социальными издержками. Именно по этой причине, по мнению Ж.Аттали, государство берет на себя задачу придания рыночной экономике социально-ориентированного характера, ограничения негативных последствий ее монополизаций². (Например, Новый курс Франклина Рузвельта). В России такая возможность была проигнорирована.

Социально-экономический эксперимент, навязанный России МВФ в конце 1991 – начале 1992 гг.³, прививал экономике примитивные методы “шоковой терапии”, когда была “заморожена” заработная плата, “отпущены” цены, а социальная система доведена до упадка. По своей идеологии реформы были прикрыты маской западного либерализма, которые на российской почве приняли “искаженные” формы.

В итоге, по своему содержанию и исполнению проводимые реформы привели к отрицательным последствиям.

По сути, был искажен классический облик экономических доктрин, а по методам проведения реформы больше соответствовали принципам либертариизма, когда провозглашался свободный рынок с устранением регулирующей функции государства.

Ключевую роль в подрыве внутренних источников развития сыграла приватизация, которая приобрела характер повального перераспределения государственной собственности в пользу узкого слоя коррумпированной неолбюрократии, криминально-теневых структур и иностранного капитала, что в конечном итоге противоречило принципу “народного капитализма” и не привело к формированию широкого слоя част-

ных собственников средств производства – одного из краеугольных камней западной парадигмы.

Так, только 500 крупнейших предприятий России в ключевых отраслях промышленности металлургии, машиностроения, нефтегазовой отрасли, химической промышленности с реальной стоимостью около 200 млрд. долл., фактически были проданы за 7,2 млрд. долл. и оказались в руках иностранных компаний и их подставных структур. По самой скромной оценке английского агентства “Индепендент стрейтсдэджи”, в целом производственные фонды были проданы в 80 раз ниже реальной стоимости⁴.

В результате приватизация 90-х годов привела к формированию незначительных крупных собственников (1–2% населения), в том числе иностранных, за бесценок скупивших государственную общенародную собственность России.

Такое положение вещей усугублялось тем, что одним из основных препятствий формирования рыночной экономики в России являлась непоследовательная политика российских “радикалов”, проигнорировавших первоочередную ключевую необходимость – принятие антимонопольных мер в российской экономике.

США удалось сделать это еще в XIX в., именно эта мера породила там эффективную конкурентную среду.

Во внешнеэкономической сфере Россия сползла к положению сырьевого придатка индустриальных стран и импортера сельскохозяйственной продукции и промышленных товаров. Этим были подорваны внутренние экономические источники развития.

Наиболее тяжелым потрясением для населения стала ликвидация социальных институтов и социальных гарантий, которая по своим результатам походила на гуманитарную катастрофу для большинства.

В результате характер и методы проведения реформ привели к социально-экономическому краху в августе 1998 г. и стали “закономерным итогом провала квазирыночной модели экономики”⁵, пронизанной изъянами предшествующей директивной и насаждаемой псевдолиберальной экономики.

Обострению и обнажению кризиса предшествовало нарастающее “беспрецедентное для мирного времени падение производства, инфляция, массовое обнищание, деградация культуры и вакханалия преступности – беды подступили со всех сторон”⁶.

Прологом к драматическому ходу событий в России стало крушение Советского Союза, что “было крупнейшей геополитической катастрофой века”⁷, губительно повлиявшей на политические и социально-экономические процессы в России. Правящий режим 90-х годов, разрушив управленческую иерархию во всех сферах общества, оказался не в состоянии сформировать политические и экономические структуры, способные “решать социальные и экономические конфликты посредством установленных процедур”⁸.

Углубление кризиса вело к экономическому хаосу, сопровождалось возникновением социальных катаклизмов, угрожая “утратой экономической и политической самостоятельности России”⁹ и развалу государства.

Таким образом, цели власти оказались ложными, установленные процедуры мнимыми, политическая власть беспомощной и зыбкой. Жертвой и заложниками несостоятельности руководства страны оказались широкие

массы народа, глубоко разочаровавшиеся в псевдodemократических методах правления. Бедность, безработица, социальная поляризация, настроения безысходности привели к деполитизации населения, “усталости от свободы”.

Становится понятно, что демократическое устройство не может возникнуть за счет простого переноса образцов политического и экономического устройства на национальную почву другого государства. Демократия проявляется в определенных социально-экономических условиях. Только тогда можно констатировать, что экономический прогресс постепенно ведет к социальным и культурным изменениям, которые укрепляют демократические институты.

В начале 90-х годов при трансформации общественной системы складывалось такое состояние политико-экономической системы России, которое принято считать в научных и общественных кругах как олигархический капитализм*.

Правительство либерал-реформаторов само создало привилегированную группу людей, получивших во время приватизации благоприятные условия доступа к общественным ресурсам, а также лицензии и льготы на внешнеторговые операции. И хотя официальная доктрина реформ провозглашала в качестве опоры власти средний класс, реальная практика экономических мероприятий правительства кардинально разошлась с этой доктриной, что и стало основным рычагом формирования узкого слоя олигархов, который получил пол-

* Под *олигархией* понимается форма правления при которой государственная власть фактически (возможно, неформально) принадлежит небольшой группе людей, как правило, наиболее экономически могущественных.

Со времен Аристотеля эта дефиниция не претерпела изменений: “олигархия – тот вид, когда верховную власть в государственном управлении имеют владеющие собственностью”¹⁰.

ную свободу доминирования на поле российской экономики и политики.

В этот период крупный частный бизнес был представлен, как правило, конгломератными образованиями, включающими разные, часто не связанные между собой, виды бизнеса. Данный тип субъектов бизнеса принято называть *интегрированной бизнес-группой* (ИБГ).

Обычно ИБГ не прозрачны, их деятельность (доходы и прибыль) скрыты от властей, налоговой службы, партнеров и т.д. Формальная структура собственности усложнена, возглавляется, как правило, неким олигархом – крупным предпринимателем, находящимся в тесных неформальных отношениях с властью.

Роль и влияние крупного капитала укреплялось административным ресурсом, который оказался важнее привлечения инвестиций, поскольку конкурентное преимущество достигалось в основном за счет получения тех или иных преференций и (или) разрешения на сделки от регулирующих органов. Теневые отношения с властью открывали возможности для роста и экспансии крупного бизнеса и извлечения более высоких прибылей и т.д.

Сосредоточение огромных ресурсов в руках нескольких крупнейших собственников в условиях не устоявшейся политической системы и гражданского общества не могло не вызвать попадания государства и его институтов в зависимость от крупнейших групп давления капитала.

Основная особенность взаимодействия предпринимателей и чиновников сложилась в середине 90-х годов и превратилась в устойчивую систему отношений, предполагающую взаимную стратегическую и тактическую поддержку в рамках длительного сотрудничества. Отдельный чиновник по отношению к отдельному предпринимателю

стал выступать в роли партнера по бизнесу¹¹. Такое положение вещей, сохраняется до сегодняшнего дня и характеризуется тем, что “чиновничество еще в значительной степени представляет собой замкнутую и подчас просто надменную касту, понимающую государственную службу как разновидность бизнеса”⁷.

Система взаимодействия бизнеса и власти в России 90-х годов предполагала прямой подкуп представителей всех трех, а точнее, четырех – если включать СМИ, – ветвей власти.

Произошла своего рода “приватизация” государственных, политических и гражданских институтов кланово-корпоративными структурами. “Верховная власть оказалась настолько обязанной “олигархам” и другим упрочившимся влиятельным группам, что утратила волю и способность эффективно осуществлять какую-либо политику реформ, которая затрагивала бы интересы истеблишмента. Таким образом, большая часть истеблишмента выступает в качестве защитников собственных частных интересов, а не национальных”¹².

Интересы государства и общества были подменены интересами крупнейших финансово-промышленных групп (ФПГ) на национальном и региональном уровне и крупных бизнес-структур на региональном и местном. Значительная часть чиновников и парламентариев практически была на службе ведущих корпораций.

В России к середине 90-х годов олигархия окончательно срослась с властной бюрократией и возникла, по сути, кланово-олигархическая модель правления, когда кланово-корпоративные структуры стали основными субъектами политики, которая в связи с этим приобрела негативный характер для интересов общества.

Доминирование в политике интересов, представленных конкретными ФПГ (или ИБГ) и стоящими за ними олигархами, составляло главную черту российской политико-экономической системы, которая обуславливала все остальные особенности российского политико-экономического пространства. Вместо возникновения вследствие быстрой приватизации и либерализации “самотивированного (*self-motivated*) бизнес-класса”¹³, на что наивно рассчитывали российские младо-реформаторы, сложился слой крупных собственников с резко выраженным рентоориентированным, социально-безответственным поведением. Отношения крупного бизнеса с властью сводились к контролю над государственным аппаратом, который стал функционировать для защиты интересов крупного бизнеса.

По многочисленным свидетельствам, олигархи напрямую указывали министрам, что они должны делать, в случае неповиновения последние смещались¹⁴.

О том, в какой взаимной зависимости пребывала власть и бизнес, говорит тот факт, что в окружении Б.Ельцина сформировалась так называемая “семья” – группа представителей старой и новой номенклатуры и некоторых крупных собственников с “олигархическим лицом”.

Согласно Д.Лейну, в России в период 90-х годов результаты деятельности определяла сеть личных связей, (имеющих отраслевую, региональную и бюрократическую основу) в большей степени, чем рыночная активность¹³.

Установился режим своего рода патронажно-клиентелистских политических связей, упал авторитет традиционных институтов политического и социального действия (партий, профсоюзов), деградировали новые образования гражданского общества – возник-

шие позитивные ростки демократических изменений перевешивались тенденциями, развитие которых делало демократию все более фальшивым фасадом.

Кроме того, в условиях жестких реформ, сопровождавшихся резкой и глубокой социальной дифференциацией, российская элита демонстрировала неизбежный в таких случаях высокий уровень фрагментации. Поляризация элиты и ее крайне неустойчивый характер периода первоначального накопления капитала проявилась в высших ее эшелонах, в том числе, на уровне “семьи”.

“За годы ельцинского правления сформировался стиль политического фаворитизма, сопряженный с kaleidosкопической сменой ближайшего окружения президента”¹⁵.

Лихорадочная чехарда, перестановка чиновников в высших эшелонах власти не аргументировалась и воспринималась в обществе как продолжение в политических верхах борьбы за власть, что свидетельствовало о недееспособности политического режима, его неустойчивости и ненадежности. Страна переживала “смутное время” – это был “период политической борьбы отдельных групп и отсутствия объединяющих идей, утери привычного “круга безопасности”⁶, а тем более здравых представлений о модернизации страны.

В демократическом государстве при нормально функционирующей политико-экономической системе механизм выдвижения элитой и/или группами интересов своих лидеров на политическую сцену основывается на закономерностях лоббистской деятельности внутри представительных и исполнительных структур власти. В условиях кланово-олигархического правления 90-годов эти процессы имеют свои специфические черты. Для понимания

внутренних пружин и механизмов влияния современной олигархии на управление властью и политическими лидерами необходимо понять роль лоббизма.

В некоторых странах лоббизм – узаконенная форма отстаивания групповых интересов. Но мировая практика его правового регулирования весьма ограничена: в одних странах он считается видом коррупции, в других – не признается вообще или же не подлежит законодательному регулированию¹⁶. Тем не менее, в различных странах существует ряд общих характерных черт, присущих лоббизму¹⁷.

Лоббизм как механизм воздействия на принятие решений, оставаясь обычно скрытым каналом, отличается весьма высокой эффективностью на фоне других форм политического участия. Общественные способы общественного выбора (выборы различного уровня) не способны удовлетворить в полной мере группы интересов. Крупный капитал заинтересован в более тонком и точечном воздействии на власть, что является одной из причин существования практики лоббизма и его значительной роли в политике.

Лоббистская деятельность в России по продвижению и/или отстаиванию корпоративных интересов оставляет возможность членам хорошо организованных ФПГ, в противовес интересам массы налогоплательщиков или потребителей, оказывать более действенное давление на избрание политических деятелей и назначение чиновников. Вклады в избирательную кампанию групп давления, их возможности по финансированию рекламы в СМИ вели к заключению политических сделок.

Таким образом, “при существующих правилах действиями политиков управляет невидимая рука, заставляя их выражать интересы групп, хотя это оборачивается потерями для общества, ...уменьшающими размер общественного экономического пирога”¹⁸.

Это было характерно для России.

Группы давления в российском обществе представляли интересы отдельных корпораций, их цели схожи:

- получение госзаказа и сопутствующих ему льгот и преимуществ;

- признание отрасли приоритетной и следующее отсюда льготное налогообложение;

- признание предприятия, (не) подпадающим под действие (не) выгодного закона;

- (не) принятие (не) выгодного законопроекта;

- проведение протекционистской или антипротекционистской политики, способствующей льготной деятельности крупного капитала и т.п.

Лоббизм различается по формам: общецеховой, корпоративный, региональный, индивидуальный (частный)¹⁹.

В России лоббистская деятельность сочетает как публичные, так и теневые формы. Теневые методы лоббирования в большей степени присущи индивидуально-частному лоббизму, тогда как публичные – групповому.

В конце 90-х – начале 2000-х годов в практике российского финансово-промышленного лоббирования появилась тенденция прибегать к индивидуально-частному лоббизму, что таило определенную опасность, поскольку данный способ продвижения интересов непрозрачен по сравнению с корпоративным. Он представляет процесс продвижения на “политическом рынке” меркантильного интереса отдельной ФПГ.

Но значительный удельный вес теневого лоббизма в выработке социально-экономической политики обусловил чрезвычайно низкий уровень доверия к политическим лидерам в России в 90-е годы. При высокой зависимости от интересов ФПГ российские политики не выражали национально-государственные интересы. Политические силы и деятели, которые не были ангажирова-

ны крупным бизнесом отсекались от политического процесса, подвергались дискредитации. В числе таковых оказывались, прежде всего, политики левой, левоцентристской, государственнической ориентации.

Одной из форм лоббирования можно рассматривать PR-кампании в СМИ.

Пресса и электронные СМИ формируют общественное мнение, влияющее на решение политических лидеров. С одной стороны, артикуляция и отстаивание интересов соответствующих групп необходимы и неизбежны, а с другой – здесь преуспевают наиболее могущественные группы интересов.

Степень доминирования в сфере СМИ может доходить до монополизма, полного контроля над информационным пространством. В России сложилось подобное положение вещей, когда СМИ попали в подчинение крупного бизнеса. «Олигархические группировки, обладая неограниченным контролем над информационными потоками, обслуживали исключительно собственные корпоративные интересы»⁷.

В системе отношений «власть – бизнес – общество» оставшиеся относительно формально свободными СМИ заняли двусмысленную и противоречивую позицию, оправдывая сложившееся положение вещей мифической угрозой реставрации «коммунистического режима» и возвращения к власти «партийной номенклатуры». Мощные ФПГ, используя СМИ, наносили вред общественным интересам, игнорируя социальные ожидания менее организованных слоев населения и групп интересов.

Медиатизация и виртуализация политики дает в руки олигархии и управленческого истеблишмента удобные дополнительные и влиятельные инструменты для плебисцитарного выдвижения и выбора политического лидера, описанных М.Вебером, а значит управления властью.

Согласно Веберу, несмотря на рационализацию, характерную для современного мира, отношение масс к вождю и политике в целом по-прежнему остается преимущественно эмоциональным и иррациональным. В эпоху эрозии власти демократия требует от лидера дополнительной легитимирующей силы – харизмы. Последняя обеспечивает политическому лидеру плебисцитарную основу легитимности, которая позволяет проводить определенным образом ориентированную политику, ставить государственно-бюрократическую машину на службу тем или иным ценностям.

Продвижение политического лидера должно предусматривать присутствие харизматического дара или его виртуальное сканирование, в противном случае он не получит одобрения. Благодаря возможностям электронных СМИ создание имиджа харизматического лидера стало осуществимым технологическим процессом по продвижению этого продукта в массы, обеспечению необходимого результата выборной кампании могущественной политической группировкой или коалицией сил.

Возможности электронных СМИ могут существенно облегчать отдельным политическим лидерам условия для политического соперничества, что серьезно деформирует демократический процесс. Существует тенденция подмены принятия гражданами собственных политических решений на выборах давлением на электорат телевизионными рейтингами политиков. Из выразителей интересов народа политики все чаще превращаются в слепленные телевизионные идеальные образы, своего рода телекумиры. Политический процесс, приобретая атрибуты шоу, становится зависимым от навязанных клиповых симпатий аудитории в ущерб демократии. Политические медиатехнологии сформировали новые тенденции развития политической сферы, заставили политический менеджмент концентрироваться на технологии создания и поддержания виртуальных образов политических лидеров как по-

литических проектов. Медиатизация политики позволяла олигархии, используя свой ресурсный потенциал, целенаправленно задавать параметры политического процесса в России в своих интересах.

Таким образом, каналом влияния на политического лидера, власти в целом в условиях современной демократической политической системы выступает лоббирование со стороны различных групп влияния и интересов. Наряду с лоббированием, сохраняются традиционные формы влияния на политическую власть такие, как выборы и общественное мнение, формирующиеся в определенных кругах и СМИ, влияние ближайшего политического окружения и другие формы политического волеизъявления (демонстрации, пикеты, забастовки и т.д.).

С учетом сказанного возникает проблема самостоятельности лидера, его способности определять собственную стратегию и тактику политической деятельности. В России 90-х годов данная проблема обострялась из-за установления олигархической формы капитализма, при которой социально-экономическая ситуация в стране определялась прямым вмешательством ФПГ в политический процесс, в том числе через манипулирование конкретными политическими фигурами.

Нередко предприниматели и сами непосредственно занимали политические и управленческие посты и должности, “проплатив” дорогу в политику, что позволяло им расширять свои связи и без посредников лоббировать собственные интересы.

Так называемая “ангажированная власть” бизнес-элиты, представленная в основном банковскими структурами и крупнейшими компаниями-экспортерами, среди которых ведущее место принадлежало предприятиям топливно-энергетического комплекса, выступила на стороне и инте-

грировалась с созданным в мае 1995 г. проправительственным движением “Наш дом – Россия” (НДР).

В России в условиях неустоявшихся политических и гражданских институтов возникновение крупных собственников породило политико-экономическую систему, в которой государство и некоторые элементы гражданского общества (СМИ) из-за отсутствия регулирующих (со стороны государства) и контролирующих (со стороны общества) функций попали в сильнейшую зависимость от крупнейших собственников.

Бесспорно установлено то обстоятельство, что демократические процедуры 90-х годов оказались искаженными и в немалой степени квазидемократическими; политические структуры – кланово-бюрократическими и коррумпированными, а экономическая система монопольно-олигархической.

Таким образом, олигархическая модель капитализма сформировалась в силу ряда факторов:

- устранением государства от процессов регулирования экономики;
- проведением приватизации в пользу привилегированных структур, финансирующих политический режим;
- подкупом коррумпированной бюрократии;
- отстранением легитимных и дискредитацией оппозиционных политических сил (расстрел Верховного Совета, использование “неуклюжей” попытки ГКЧП восстановить административно-командный стиль в стране);
- ослаблением и подрывом роли и значения профсоюзов, молодежных, женских и других общественных организаций и союзов – самобытного прообраза гражданского общества;
- навязыванием обществу ложных квазилиберальных и псевдодемократических ценностей;

– разгромом социальных институтов и программ – в целом социальной сферы;

– навязыванием ложных ценностных ориентиров в сфере культуры, образования, творчества, искусства – в целом “вестернизация” страны;

– подменой социальной установки “равных возможностей”, присущей социально-ориентированным моделям развития, на лозунг – “обогащайтесь любыми средствами”;

– разгромом вертикали власти, навязыванием регионам и национальным республикам установки: “берите власти сколько сможете”;

– инкорпорированием в политические и властные структуры лоббистов, отражающих интересы ФПГ и ИБГ;

– захватом и подкупом электронных и печатных СМИ, для выражения интересов капитала.

В первой половине 2000-х годов продолжали пагубно проявляться негативные тенденции реформ 90-х годов. Финансирование социальной сферы, науки и образования остается ниже необходимого уровня. Сохраняется недопустимо высокий разрыв в доходах между наиболее богатым и наиболее бедным слоями населения.

Реальный разрыв, по оценкам специалистов, достигает 30-кратной величины.

Минимальная зарплата находится на уровне ниже прожиточного минимума.

Степень эксплуатации труда в России одна из самых высоких в мире. На единицу производимой продукции наемные работники получают вдвое меньшую зарплату, чем в индустриальных странах, тогда как цены на потребительские и продовольственные товары на российских рынках выше, чем в этих странах.

Согласно данным академика РАН Д.С.Львова, в России работник, производящий товаров на рубль, получает за это всего 33 коп., в Японии, Европе и США – не меньше 70–75 коп.²⁰.

По оценке большинства экспертов, доля оплаты труда в ВВП России составляет не более 25%²¹.

По расчетам ИСЭПН РАН, структура бедности в России существенно отличается от развитых стран, где бедны социально неадаптированные, нетрудоспособные граждане.

В России социальная структура бедности имеет искаженный характер. Так, почти 40% бедных – это трудоспособные, работающие граждане²¹.

Между тем, мировой опыт показывает, что стимулирование общественного потребления – эффективный инструмент ускорения экономического развития страны.

Подводя итоги положения дел в социальной сфере, следует подчеркнуть, что в целом уровень социальных расходов государства не соответствует ни общественным запросам, ни потребностям развития человеческого потенциала в России. Плутократический симбиоз олигархии и бюрократии по-прежнему выкачивает огромную часть национального богатства в собственных интересах, вывозя капитал за границу. Это обстоятельство усугубляется непреодоленными проблемами:

– нелегитимностью приватизации;

– неравенством социальных прав и возможностей;

– раздутым аппаратом чиновничества (превзошедшим советскую номенклатуру);

– размахом коррупции;

– огромным теневым сектором экономики;

– узким объемом малого и среднего бизнеса и рядом других задач.

На таком положении вещей сказывается проводимая экономическая политика. Следует отметить, что по-прежнему, неоднозначной для страны остается унаследованная от эпохи 90-х годов приверженность экономического крыла нынешней политической команды либеральной рыночной доктрине. По сути, не используется опыт разви-

тия старых и новых индустриальных стран, которые активно применяют инструментарий государственного регулирования финансово-экономической сферы (ряд стран Европы, Китай и др.) для стимулирования развития собственной индустрии и экономики.

Для решения ключевых вопросов нужны кардинальные действия политической власти. В России крайне назрел “Новый курс” социально-ориентированного экономического развития, основанного на стимулировании развития производительных сил, инвестиций в науку, образование и высокотехнологичные отрасли. Важно покончить с бедностью, добиться установления принципа равных возможностей.

Иначе, как отмечается в Докладе Национального разведывательного совета США “Контурь мирового будущего”, Россия “сполна испытает на собственной шкуре, что такое нефтяное государство с его несбалансированным экономическим развитием, гигантским неравенством доходов, оттоком капитала и нарастающими социальными проблемами”²².

К середине 2000-х годов Россия отходит от системы, когда решения в своих интересах принимались олигархией. Государство восстанавливает контроль над стратегическими ресурсами, обретает возможность намечать планы, принимать долгосрочные решения.

В целом, достигнута определенная стабильность в обществе. Это стало возможным благодаря тому, что власти предприняли действия, направленные на обеспечение основополагающих политических решений: безопасности, единства, управляемости государства и социально-экономических задач (регулярные выплаты зарплат и пенсий, укрепление общей финансовой дисциплины, стабильных условий жизни страны и общества). Волонтаристски навязанная модель “слабого” государства,

сменилась моделью “сильного” государства.

Однако возникла противоположная угроза – непропорциональное усиление роли государства и демократических, гражданских институтов, что стало оборачиваться перекосом власти в пользу политико-административного истеблишмента и/или союза могущественных групп властвующей и экономической элиты. Надо осознавать, что на сегодняшний день у политической власти пока не хватает достаточных возможностей для полноценного контроля над российским крупным капиталом, перешагнувшим национальные границы и активно действующем на мировом рынке. Этим во многом объясняется выбранная властью практика избирательной политики в отношении крупного бизнеса. Крупнейшие экономические субъекты разделены на, по крайней мере, три группы:

- близкие политической команде;
- лояльные и/или нейтральные ей;
- нелояльные политической команде.

Первые две имеют возможность выгодно приватизировать государственную собственность, получать преимущества от монопольного положения, в частности присваивать природную ренту и т.д.

Правящие политические силы страны должны отдавать себе отчет, что подобная практика чревата значительными угрозами дестабилизации политической ситуации, удержания социально-экономической стабильности в стране. В целом, с начала избрания Президента РФ В.Путина политическая власть взяла курс на ограничение роли олигархического капитала. Политическому руководству удалось укрепить свои позиции в принятии решений в социально-экономической сфере, став активным игроком на этом поле с некоторыми издержками. Крупный ка-

питал оказался под прессингом определенной части чиновничества. В сложившейся ситуации потенциал влияния олигархического капитала несколько снизился, что не могло не вызвать его раздражение и скрытое противостояние. Открывается и другая сторона медали. В свою очередь, крупный капитал сомкнулся с коррумпированной бюрократией, союз которых ущемляет национально-государственные интересы. В этих условиях противостоять монополю-олигархическому капиталу способна только консолидированная власть и сильное государство.

В целом, политическое пространство монополизировано и умело управляется властью. Политическое лидерство в сильнейшей степени зависит от политической конъюнктуры, определяемой на этот раз властью. При этом строго соблюдаются наложенные центральной властью ограничения на политически окрашенные высказывания и действия, что объяснимо в условиях противостояния монополистического капитала и мощной политической власти. Но долговременное сохранение подобного политического монополизма, нетерпимость к оппозиционным политическим силам и политическим лидерам, оборачивается как известно застоєм. Власти следует понять, что дискредитация и направленное устранение с политической арены оппозиционных сил ограничивает идейный потенциал власти и развитие гражданского общества.

Оценивая общее положение в стране следует подчеркнуть, что несмотря на все предпринимаемые властью попытки, суть политико-экономического устройства страны радикально не изменилась: «экономика остается высоко-монополизированной, что позволяет говорить об олигархическом характере современного российского капитализма»²².

Этот вывод подтверждает оценка структуры бюджетных расходов, уровень коррумпированности, степень социального неравенства, масштабом утечки высококвалифицированных специалистов, объемом вывоза капитала, степенью моноплизации и криминализации экономики. Это безусловно свидетельствует о том, что Россия является типично олигархическим и бюрократическим государством²³.

Олигархический режим в политическом смысле слова сменился альянсом олигархии и бюрократии, но если в 90-е годы олигархи доминировали над бюрократической верхушкой, то теперь они вынуждены подчиняться последней.

Таким образом, современную политическую власть по своему содержанию можно характеризовать как *корпоративно-демократический порядок* или корпоративно управляемая демократия.

Эти обстоятельства противоречат устойчивому взгляду на процессы транзита от авторитарной системы к демократии. В условиях режима управляемой демократии острые проблемы получают своеобразное и неполное разрешение: подменяются проведением иницируемых властью кампаний и четко отработанных технологических медиапроцессов. Это происходит в тех условиях, когда лишь 3% граждан России считают, что они имеют какое-либо влияние на власть. Представительная власть в лице депутатов в современной политической системе решающим влиянием и авторитетом не пользуется. Разделяя ценности народовластия», более половины граждан не считают, что существующие представительные органы отражают их интересы»²². Это недоверие населения представительным органам власти закономерно так как происходит на фоне

практической отмены порога явки избирателей на выборах всех уровней и ликвидации графы в избирательном бюллетене “против всех”, что не отвечает традициям гражданского общества и свидетельствует скорее о фарсе избирательной системы. Доступ к электронным СМИ, где продолжает совершенствоваться “технология и искусство манипулирования информацией”²², оппозиционным лидерам возможен только с согласия власти. В подобных условиях авторитет власти падает, возникает своего рода “кризис доверия” к власти.

Можно констатировать, что и в условиях олигархического капитализма, и в период корпоративно управляемой демократии политическая власть вынуждена и продолжает действовать в режиме сильнейшей зависимости от теневых механизмов модерации политического процесса. Как лоббизм ФПГ периода 90-х годов, так и государственно-корпоративная система 2000-х годов затрудняют выдвигание на авансцену публичной политики по настоящему независимых политических деятелей.

Такой ход событий подрывает алгоритм развития динамичной модели транзита от авторитаризма к демократии, на которой настаивал Д.Растоу: “Основа демократии – не максимальный консенсус, но тонкая грань между навязанным единообразием (ведущим к какому-то рода тирании) и непримиримой враждой (разрушающей сообщество посредством гражданской войны или сецессии)”²⁴.

В этих обстоятельствах надо осознать, что “недовольство новыми преобразованиями, их неолиберальным, антисоциальным характером”²² низов создает предпосылки для манипулирования массами извне в духе “бархатных, цветных” революций, когда якобы самоорганизовавшиеся протестные слои будут подогреть “погромный

котел”. В действительности, будут провоцироваться условия для тривиального экспорта революции.

В конце концов, отсутствие ясной экономической стратегии и видимых перспектив развития страны, социальные издержки, деформация демократических принципов и пренебрежение правящей элиты национальными интересами создают предпосылки социально-экономического, политического кризиса “верхов” и “низов”. Эти угрозы отчетливо видны и могут усугубляться на фоне внешних угроз: нестабильных мировых финансово-экономических рынков, международного терроризма, инспирирования экспорта цветной революции, развязывания локальных военных конфликтов и втягивая в них Россию.

Надо прямо признать, что политическая и экономическая стабильность, достигнутые в период 2000–2007 гг., себя исчерпали.

Действительность и реалии времени диктуют властям проведение радикальных перемен во всех сферах жизнедеятельности. Ясно, что дефицит времени и условий для перехода к постиндустриальной модели развития достиг апогея. Похоже, политическая власть в середине первого десятилетия XXI в. осознала, что путь, связанный с экстенсивно-сырьевым развитием страны практически исчерпал себя и бесперспективен.

В 2007–2008 гг. был озвучен стратегический план развития России на ближайшее будущее. Программа директивно обуславливает дальнейшие действия нацеленные на стабильное и эволюционное развитие страны, увязанные с социальной идеологией.

План основывается на экономике инноваций, эффективном использовании природных ресурсов, реализации масштабного плана электрификации и транспортной системы.

Стратегический план представляет по сути Новый курс страны, который открывает широкие горизонты для по- ступательного развития и будущего России в целом²⁵. От власти общество ждет реальных решительных действий.

Таким образом, анализ социально-экономических и политических преобразований в России 90-х – 2000-х годов показывает, что успешная стратегия политического руководства в ситуации демократического перехода состоит в формировании такой институциональной структуры политической системы, которая должна отвечать ряду требований, а именно:

– *во-первых*, наследовать (либо воссоздавать) оправдавшие себя в прошлом политические механизмы, обеспечивающие политическую стабильность и преемственность;

– *во-вторых*, быть открытой для институциональных инноваций, призванных реализовывать необходимые потребности в демократизации и обновлении политического пространства (в частности, крайне важно решительно “почистить” правящую элиту, погрязшую в коррупции);

– *в-третьих*, создать благоприятную хозяйственно-экономическую и социальную среду.

Выполнение данных требований позволит власти вывести политические процессы в стране на оптимальный режим, выдерживать наиболее прагматичный, сбалансированный, поступательный курс политико-экономических преобразований. Нарушение равновесия указанных условий повлечет за собой кризисные явления, которые, в конечном итоге, могут привести к провалу проводимого политического курса.

Примечания

¹ Нордстрем К., Риддерстрале И. Бизнес в стиле фанк. Санкт-Петербург, 2001. С. 67.

² Attali J. The Crash of Western Civilization. The limits of Markets and Democracy foreign policy. Summer.1997. P. 59.

³ Кулчич Н.Н., Панченко В.Г. Либерально-консервативная идеология: классическая эволюция на Западе и парадоксы искажения в России. Научный доклад. Арбатский клуб // Обозреватель. М. 1995. № 1–2. С. 221–228.

⁴ Полеванов В.П. Технология великого обмана. М., 1995. С. 13, 20, 31.

⁵ Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Под ред. академика РАН Д.С.Львова. М., 1999. С.16.

⁶ Крутые ступени к процветанию России: от инерции распада к интеграции возможностей. Манифест “Арбатского клуба”. Москва–Сочи, 1995. С. 4.

⁷ Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию, 2005 год. М., 2005.

⁸ Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Что есть демократия? // Русский журнал. 1998. 14 августа.

⁹ Концепция национальной безопасности в 1995 году // Обозреватель–Observer. 1995. № 3–4. С. 17.

¹⁰ Аристотель. Сочинения: В 4-х томах. М., 1983. Т.4.

¹¹ Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М., 1998.

¹² Реддавей П. Корни и последствия российского кризиса // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 2.

¹³ Лейн Д. Преобразование государственного социализма в России: от “хаотической” экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // Мир России. 2000. № 1. С. 15–16.

- ¹⁴ Лившиц А. Что ждет бизнес от власти // <http://www.polit.ru/lectures/2004/12/02/livshitz/html>.
- ¹⁵ Здравомыслов А.Г. Власть и общество // Россия в условиях трансформации. Вып.1. М., 2000. С. 70.
- ¹⁶ Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005. С. 56.
- ¹⁷ Бинецкий А.Э. Лоббизм в современном мире. М., 2004. С. 63.
- ¹⁸ Строуп Р., Гвартни Дж. Азбука экономики. М., 1996.
- ¹⁹ Кинякин А.А. Финансово-промышленный лоббизм в России и Германии // Актуальные проблемы политологии. М., 2001. С. 50.
- ²⁰ Жуков А. Перекосы в распределении доходов и средний класс в России // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 6.
- ²¹ Петраков Н. Опасность застойной бедности // Труд. № 018 (31.01.2003).
- ²² Россия и мир в 2020 году. М.: Европа, 2005. С. 144, 172, 180, 185.
- ²³ Глазьев С. Приватизация настоящего // Эксперт. 2007. № 3.
- ²⁴ Растоу Д. Переходы к демократии // Полис.1996. № 5.
- ²⁵ План Путина. 2007–2010. Послание Президента в цифрах и схемах. М.: Европа, 2007; Медведев Д., Путин В. Россия 2020. Главные задачи развития страны. М.: Европа. 2008.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**